

Владимир Тендряков

День седьмой

РАССКАЗ



Источник: Тендряков В. Ф. День седьмой : рассказ / В. Тендряков // Дружба народов. – 1986. – № 1. – С. 146-160.

В этом году редакция «Дружбы народов» публикует рассказ Владимира Тендрякова, последнее, что было им написано. Рассказ этот, «День седьмой», как бы продолжает его предыдущий, также печатавшийся в «Дружбе народов» — в первом номере за 1985 год — «День, вытеснивший жизнь». В нем действует тот же герой, только что окончивший десятилетку юноша, прямо почти со школьной скамьи пошедший на фронт. Воюет он солдатом, связистом.

Привлекает в рассказе очень точное, открытое видение жизни, ясность и яркость человеческих характеров, которые предстают перед читателем

в исключительной, острограматической жизненной ситуации. Становление характера самого героя, от имени которого ведется повествование, происходит также как бы на наших глазах. Мальчик, столкнувшийся с жестокой действительностью военных дней, с неслыханными тяготами первых ее лет, вырастает в стойкого, опытного бойца, умеющего найти свое место в воинском строю, сделать все, что ему по силам, и даже больше, чтобы помочь своим товарищам выполнить их общий долг.

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН

1

Степь, степь... раскаленно-спекшаяся, полынно-душистая, старчески морщинистая — родная сестра бесплодной пустыни. Пять дней мы защищали неприветливый кусок степи. Их пушки и наши пушки взбаламучивали небо шуршащими, переливчатыми потоками. Огневики оглохли от чужих взрывов и своих выстрелов. Шли танки, но были остановлены, заповедной линии не пересекли. В воздухе шипели разгулявшиеся осколки, язвили, захлебываясь, черствую землю пули. «Фиалка!» «Фиалка!..» Немота в ответ, выбрасывайся из окопа под свинцовую поземку... Осколок мины порвал мне кирзовое голенище сапога, а пуля задела верх пилотки — в спешке забыл каску в окопе, — на сантиметр ниже, и я бы лег посреди степи на вечный отдых. Пять дней, столь же долгих, как день первый, слились в один ревущий бой с глухими ненадежными перепадами по ночам. Утром шестого зловещее затишье... Оно тянулось и тянулось под вялую перестрелку, предвещающая недоброе.

В полдень родился тревожный слухок, пополз из окопа в окоп: севернее нас немцы прорвали фронт, вышли к Дону. А на юге они давно уже перешли Дон. От часа к часу слух креп. И еще раз зашло солнце на той, враждебной стороне. В сумерках приказ: «Побатарейно сниматься!» На этот раз не смена позиций — отступление.

И вот новый день, день седьмой — мы в пути...

Лейтенант Смачкин, Чуликов и я при батарее Звонцова. В ней только два орудия. Одно, феокистовское, подбито в самый первый день. Во время танковой атаки потеряли второе. Под прикрытием кустов его вытащили на руках на прямую наводку. Оно неистовствовало от силы полчаса, немцы обрушили огонь тяжелой артиллерии. Из всего расчета уцелели лишь трое, пушка сгорела в кустарнике.

Степь, степь... Она еще окружает нас, но мы уже не ощущаем ее своей, скоро здесь затопают чужие сапоги, зазвучит чужая речь. А просторное небо над степью и вовсе враждебное, не наше. Немецкие самолеты хозяева в нем, могут появиться в любую минуту. Земля нас не прячет, небо нам грозит, в солнечном пекле бредут люди.

Степь, степь... Все, что прежде пряталось в ней, вылезло наружу. Но не видно вытянувшихся походных колонн, куда ни кинь глазом, нет сплоченности, мелкие кучки сторонятся пробитых дорог, рассеяны по спаленным просторам. Повзводно, поотделенно, реденькими цепочками тащится усталая пехота. То там, то сям трясутся подводы, шлят в одиночку машины.

Наши батареи пробираются самостоятельно. Командир дивизиона майор Пугачев указал маршрут — к точке на берегу Дона, там соединимся воедино. Сам Пугачев при четвертой батарее, единственной сохранившей все свои орудия. Звонцов для связи послал к ним востового Галушко, тот не вернулся... И где-то отбившийся от меня батя Ефим. И Сашка Глухарев тоже где-то... Не смей скучиваться, дробись, старайся казаться меньше, чем есть, не привлекай к себе внимания. Небо над тобой вражеское, земля под ногами пока еще не их, но и не твоя. Спеши к Дону, за могучей рекой спасение!

Звонцов и Смачкин шагают рядом. Звонцов враскачку, с одышкой несет свой животик, щеки обвисли, глаза запали, но идет, как все, отказывается сесть на зарядный ящик. Смачкин пропечен до черноты, угловат и резок в движениях, взгляд выбеленный, затаенно яростный. даже поступь выгнутых легких ног какая-то ожесточенная, словно pinaет полынную землю.

Между ними давно уже тянется спор, Смачкин в нем нападающий:

— Вы старше меня, Звонцов. Да, по возрасту и по званию! Но это еще не значит — ответственнее. Вы в мирное время занимались делом, работали на экономику, по сути, кормили и себя, и таких, как я. А я, Звонцов, военный, причем династический. Мой дед, штабс-капитан Смачкин, служил царю. Мой отец, сорвав погоны поручика, служил революции, командуя полком. И меня страна облекла в военную форму, учила, предоставляла льготы, ковала оружие. Не паши, Смачкин, не воздвигай заводы, а охраняй спокойствие наших границ. Только для этого ты и существуешь. И кадровый военный, впоенный и вскормленный лейтенант Смачкин жив, позорно не исполнив того, чего от него ждала страна.

Пыхтя и отдуваясь, Звонцов нес на опавшем лице выражение снисходительной скуки: ей-ей, капризы мальчика надоедливы.

— В чем же дело, Смачкин? У вас пистолет на поясе и автомат на шее. Воспользуйтесь тем или другим. С красивой декламацией передо мной и солдатами.

— Не считайте меня опереточным олухом, старший лейтенант Звонцов!

— Вы просто еще не вышли из романтического возраста, Смачкин.

— Победа или смерть, да, были нашей романтикой, но теперь это трагическая необходимость. Велика страна, а отступить некуда. Или вы считаете, что мы должны бежать от немца за Волгу, в Сибирь?!

— Отступление часто приводило к победе, смерть — никогда.

— Ха! Никогда?.. Не существовали на свете Фермопилы, не гибли во имя победы Сусанины?..

— Гибли, чтоб живые совершили победу. Речь у нас идет о страхе — ее победа или ее смерть! Очнитесь, что за одурелый фанатизм.

— Вы-то на что рассчитываете, Звонцов?

— Как вы знаете, я скучный бухгалтер-экономист по профессии, а потому рассчитываю, что мы добьемся — в нашем активе окажется больше самолетов, больше танков и пушек, чем у противника. Рассчитываю на техническую силу, а не на число самоотверженных трупов.

И Смачкина прорвало:

— Что это, циничное издевательство или нелепая шутка, старший лейтенант? Бухгалтерский расчет — больше самолетов, больше танков... Да! Да! Хотелось бы! Но вы знаете, два десятилетия мы пытаемся догнать Германию. Проклятая страна технически далеко впереди нас. Рассчитываете обскатить ее за месяцы?.. Даже одного месяца у нас нет — завтра они будут у Дона, через неделю-две выйдут к Волге, а за Волгой Урал... Уже сейчас наши промышленные районы у них, а если приберут Урал — вот вам ваши экономические расчеты! Вы прекраснотдушный фантаст, Звонцов! И не один я сейчас дозреваю до жертвенности. Оглянитесь, Звонцов, какие хмурые лица у ваших солдат. Они не додрались, им тоже не по себе.

Огневики, тянувшиеся за двумя пушками, грязные, заросшие, в пятнистых от пота заскорузлых гимнастерках — выходцы из ада, — смотрели в землю. Ни обычных шуток, ни разговоров, каждый замкнут в себе, каждый думает об одном — за спиной напористый враг, опьяненный удачами, сознающий свою силу. Что для него жалкая кучка измотанных солдат с двумя пушками? К Дону, к Дону! За Доном спасение. А дальше что?.. Нет никого, кто бы не задавал себе этот вопрос. А вопрос громадный, не солдатский, самое высокое командование навряд ли сейчас знает на него ответ. Что будет?..

Звонцов с раскачкой вышагивал, глядел сквозь сутулые спины артиллеристов в степную даль, глаза запали, щеки обвисли и рот сплюснут в жесткой складке.

— Фантастика?.. — после тягостного молчания заговорил он. — Не один вы так думаете, Смачкин. Так думают и они: мол, затравленному ли медведю в берлоге заломать охотника — фантастика! Самонадеянное заблуждение. Не медведя обложили, а народ на своей земле. Двухсотмиллионный народ на бескрайней земле, едва ли не самой богатой на планете. Нам есть откуда взять силы, Смачкин. Сказка об Антее отнюдь не фантастика, мы в свое время доказали это Наполеону.

— Вы что думаете, я не верю в силу нашего народа? — возмутился Смачкин. — О том только вам и толкую: если все двести миллионов дозреют до жертвенности, кто устоит перед нами!

— Мы в разное верим, Смачкин. Вы — в «жертвую собой», я — «сохрани себя» для деятельности. Вы рассчитываете на самоотверженную смерть, я — на самоотверженное созидание.

Смачкин передернулся и не ответил.

Ездовые пошевеливали усталых коней, над моей головой качается зачехленный пламегаситель, идут рядом почерневшие люди. А вокруг залитая солнцем, спящая степь. по ней, куда ни кинь взгляд, всюду кучками солдаты. Отступление... Не первое в эту войну.

Со мной Чуликов. Он несет карабин, как Смачкин автомат, повесив на шею. Карабин гнет его тощее тело, галифе сползли мотней к коленям. тяжелые сапоги отстают от ног. Он все-таки слаб, невынослив, тянет через силу. Но, похоже, сам не замечает усталости — узкое серое лицо сосредоточено, мохнатые от пыли девичьи ресницы опущены, а ноздри тонкого облупившегося носа вздрагивают, — что-то переживает про себя. Я негромко окликаю его:

— Чулик!

Он вздрагивает, взмахивает ресницами.

— Что?

— Ты слышал Смачкина?

— Слышал. Думаю.

— Считаешь, он прав?

Навесив над карабином жеваную пилотку, он молчит, тянет по пыльной траве тяжелые сапоги. Смачкин для него и бог, и старший брат. Вряд ли он примет сторону старшего лейтенанта Звонцова. Но что-то медлит Чулик с ответом, не роняет решительное «да».

Наконец заговорил:

— Знаешь, когда я уходил в армию, вдруг вспомнил о моем дяде... Я сержусь, какое мне дело до его дяди.

— Только не крути, Чулик. Отвечай прямо: да или нет?

— Обожди, не сразу... Мой дядя — инженер-строитель. Очень даже крупный. Только... Как бы тебе сказать, в последнее время его от всего отстранили... А теперь вот стал нужен...

— Ну и что? Я же о Смачкине тебя спрашиваю, не о дяде-строителе.

— А то сообрази — специалисты нужны. В разгар войны. Значит, срочно что-то широко строят. Не карамельные же фабрики, наверняка военные заводы, самолеты выпускать, танки...

— Ага! Прав все-таки Звонцов, не Смачкин!

— Смачкин тоже. Позовет меня — умру! Пойду, не отстану. Без жертв не обойтись. Надо же время, чтоб технику поднять, выпустить самолетов и танков больше, чем у противника. Ну, а пока придержи его с тем, что есть. И задержать надо у Дона, ни на шаг дальше. Велика страна, а отступать некуда.

— Как, по-твоему, долго его держать придется?

— Не знаю. Может, год, а может, и два даже. Война быстро не кончится.

— Не доживем, — вздохнул я.

— Не доживем, — согласился он. — А хотелось бы...

Ездовые машут кнутами — марш, марш... Горький путь целинной степью, под злым солнцем, под враждебным небом. Кони с потемневшими крупами тянут пушки, теперь их только две, от батареи осталась половина.

Солнце давно уже перевалило за полдень — самое пекло. Но в душном, густо пыльном воздухе что-то сдвинулось, просочилась невнятная свежесть, коснулась липкого лица. И солдаты поднимают головы, ловят смутную прохладу, жадно вглядываются вдаль. Степь по-прежнему буро-ржавая, одурающе слепящая, по-прежнему она источает из себя трепетно-жидкие волны воздуха, колеблющие горизонт, однако уже чувствуется живительная близость реки. Могучий Дон где-то тут, спрячется в обширном степном теле. Кони зашагали бодрее.

Как легкий озноб перед приступом малярии, как ропот листвы перед бурей, возник знакомый до отвращения звук. Каждый ждал его, каждый надеялся — судьба смиляется, авось не сбудется. Бредущие солдаты очнулись, зашевелились, затравленно стали оглядываться назад, в маревую воздушную толщу. Авось... Нет, не пригрезилось — размеренно качающийся звук моторов из блекло чистого неба. Перед самым Доном, вблизи от спасения!..

Мы тоскливо переглянулись с Чуликовым, его узкое лицо натянулось, отчетливо проступили кости скул. Переглянулись, ничего не сказали, отвернулись друг от друга.

А кони шагали, и ездовые, напряженно торча на их спинах, махали кнутами — марш, марш! И, обреченно сутулясь, продолжали идти люди. Звук же креп, уплотнялся, не утрачивая своего размеренного качания.

Самолеты двигались боевым порядком — три звена косяком, по три машины в каждом — на умеренной высоте. От нас они были чуть в стороне, и мы, не переставая идти, лишь недружелюбно косились в их сторону. А под ними на земле возникала вялая суета — цепочки солдат рассыпались, залегли, скрывались, но не от тех, кто проглядывал степь с воздуха.

Самолеты презрели земную суету, проследовали дальше, унося с собой колеблющийся хвост звука...

Звук еще не совсем развеялся, еще что-то от него призрачно витало в небесах, как в отдалении, приглушенно и вязко, заголосила сирена, подхватила другая. Над кромкой степи мошкаринная толчея. И тупой удар, второй, третий, нутряное рычание, снова, снова долбящий удар за ударом...

Из степной выжженной закраины, из недр земли начал нехотя подыматься на дыбы темный зверь. Он рос, тучнел на глазах, с ленцой расправлялся и наконец застыл в угрожающей неподвижности.

Мы шли прямо на этого тяжелого дымного зверя. К нему тянулись рассеянные по степи кучки отступающих солдат, к нему мчались, тряслись повозки. Так властно тянет к себе ночной костер рассеянных мотыльков.

До сих пор все мы стремились к Дону бездумно — скорей бы, скорей, превозмогая усталость! Берег Дона — спасение, у берега широкая вода, можно спрятаться за ней. Никто, похоже, заранее не задумывался, что нам нужен не просто Дон, не его бесконечный берег, а лишь одно-единственное место на нем. Одно на всех — переправа!

Над переправой вздыбился черный зверь.

Мы идем прямо на зверя. Он медленно, медленно заваливается на сторону, растекается.

Переправа горит. Идем к ней, иного пути у нас нет, свернуть некуда...

2

Там, где ровная степь круто обрывается к реке, тесно сбилось беспорядочное машинное стадо — грузовики, фургоны, бензовозы, гусеничные трактора с тупорылыми гаубицами на прицепе и пара приземистых танкеток, и затертый в середине, недоуменно торчащий над всеми вооруженными башенками пыльно-громоздкий «КВ», и стиснутые подводы. Мы с двумя длиннотельными пушками на конной тяге на самых задах разгоряченного табора.

Над табором качается стена копотного дыма, поднебесно величавая, как Вавилонская башня. Она то закрывает солнце, заставляет его натужно багроветь, то освобождает, возвращая ему раскаленную косматость.

Между машинами, в тесном хаосе пышущего жаром металла беготня — затянутые в португепи командиры, танкисты в промасленных комбинезонах и теплых шлемах, солдаты разных возрастов, разного обличья, одни налегке, в растерзанных гимнастерках, другие захомутаны шинельными скатками, втесался даже бестолковый пэтэровец с длинным, мешающим всем противотанковым ружьем на плече. У всех воспаленно красные физиономии и одинаковое выражение — скорей! скорей! Куда скорей? Это никому не ведомо — куда бы ни было, но скорей! Мечутся, сталкиваются, не задерживаясь, поспешно отскакивают, не замечают друг друга, без крика, без брани, молчком.

Стремительная затравленность сразу же проступила на обгорелом лице старостотерпца Смачкина, однако сам он в метания пока не ринулся, стоял с автоматом навывтяжку, смотрел на суматоху стлылыми белыми глазами. Не ринулся, но вот-вот...

Звонцов спокоен, оттянутый пистолетом ремень скашивает на сторону навешенный животик, большие пальцы рук запущены за ремень, короткие ноги в покоробленных кирзовых сапогах широко расставлены, щеки отвисли, глаза запали, однако усталости не показывает, придирчиво, не спеша озирается. За его спиной сгрудились огневики, угрюмо-черные, выжидающие.

— лейтенант Смачкин, — тихим, будничным тенорком, но с при-

казной интонацией, — срочно разведать наших, кто уже здесь. Сразу же соединиться. А я прогуляюсь. Уточню обстановку.

Смачкин приободрился, кинул руку к пилотке.

— Есть!

— И, пожалуйста, не нахлестывайте себя. Без галопчика, Смачкин, без галопчика.

— Есть без галопчика, товарищ старший лейтенант! Чуликов, со мной!

Мне немного обидно — Смачкин позвал только Чуликова, меня забыл. Но утешение пришло тут же.

— Расчетам стоять у пушек, не отходить ни на шаг. Ездовых отрядить за водой — самим напиться и напоить коней. А вы, голубчик сержант, будете при мне. Пилотку поправьте, гимнастерку заправьте и карабин на плече держите с достоинством, чтоб видели — блюдем и помним себя... Вот так-то! Пошли к печке поближе.

Горели на пробитом в гребне берега спуске сцепившиеся автомашины. От них остались лишь черные остовы, но снизу продолжали хлестать закрученные языки пламени, даже глинистая земля вокруг полыхала. Должно быть, под кучей малой металлических скелетов находилась автоцистерна с какой-то маслянистой жидкостью. Оттого то над плещущими языками пламени, казалось, прямо из воздуха рождался дегтярно густой, курчаво обильный дым. Он, бунтуя, вздымался и отравлял подбережный воздух угарной химической вонью.

Пожарище загоразивало путь к реке. Но если б оно даже и не загоразивало, то навряд ли кто из машинного стада на краю степи мог протиснуться вниз. Приречная полоса, стиснутая водой и падающей кручей, была до отказа забита вправо-влево, пока хватало глаз. Кони, трактора, пушки, броневики, повозки, машины, машины, и все захлестнуто густым человеческим потоком, нервно пульсирующим, кружащим, муравьино беснующимся, глухо гомонящим. И так уже невпроворот, а сверху по крутому склону сыплются и сыплются вырвавшиеся из степи пехотинцы. Лишь бы добраться до воды, а там будет видно, как дальше.

Река под нами величаво просторна и нежно-голуба до застенчивости. Ее лижет ветер, оставляет синие языки. То тут, то там срьд возникающей ряби вспухают и опадают кипенные, зеленовато-белые столбы. Немцы обстреливают переправу. А она вот, на виду — волосяно-тонкая нить на раздольной воде, настолько прозрачная, что вдали не просматривается, только чувствуется. К ней подвешен паромчик, то ли дремлет, то ли движется, не уловить куда. И до чего же он мал — накрой ладошкой. А тот берег маячит невнятной зеленью, вадсадно вымечтанный и недоступный.

Нет, все-таки не дремлет паромчик, медленно — ох, медленно! — ползет оттуда сюда. Сколько же он черпнет из этой густо замешанной человеческой каши? Накрой ладошкой — совсем ничего, за год не вычерпает.

— Мда-а... — произносит Звонцов. — Путь к спасению сквозь игольное ушко... Что ж, спустимся в преисподнюю.

По-стариковски покряхтывая, он неуклюже полез по осыпавшемуся склону.

Я не успел сделать и нескольких шагов, как кто-то, упавший с неба, налетел, сбил, подмял меня. Мы одновременно вскочили на ноги.

— Ослеп, что ли? — выругался я и сразу осекся, увидев, что ржаво щетинистое, губастое лицо действительно слепо, выгаращенные с горячими белками глаза ошалело глядят на меня. Не только я, никто для него не существует. Секундная встреча — и он исчез...

— Держись, мальчик, за меня, не то враз ототрут, — озабоченно посоветовал Звонцов. — В этом веселом хороводе друг друга потом не отыщешь.

Сбегавшие мимо нас по круче в одном месте вдруг резко шархнулись в сторону. Звонцов, медленно спускавшийся впереди, остановился, выдохнул:

— В-вот он-но...

Там, где склон становился положе, ровным рядом лежали солдатские тела, бок о бок, плечо в плечо. Одни с головой накрыты шинелями и плащ-палатками, известково стертые лица других направлены поверх людской перекатной сутолоки — за реку, к тому далекому берегу, от которого их теперь уже отделяло не только заполненное текучей водой пространство.

Звонцов кивнул мне — пошли. Мы осторожно стали их обходить. Я старался не глядываться, но все равно замечал судорожно сведенные кисти рук, мазутно-темные пятна крови на гимнастерках.

Медлительно, с напором, рыком, резкими гудками пробивались в потоке гуськом три броневики. Они возглавляли теснящуюся пеструю колонну — зенитная установка на грузовике, короткоствольное самоходное орудие с бронированным плоским лбом и дальше машины, машины...

Броневики увязли в плотной толпе, обступившей причал. Толпа бы, может, и раздвинулась перед броневым напором, но дальше длинные зачехленные стволы пушек. Точно таких, как наши. Но из-за стволов видны были и кабины тракторов, значит, не наши, не на конной тяге.

Теснящаяся колонна остановилась, во всю ее длину прокатилась гневная волна гудков, в отдалении захлебнулась — машинам приходится смириться, непреодолимо.

В стороне от причала, почти у самой воды застрял зеленый фургон с выцветшими красными крестами по бокам. На его подножке, возвышаясь над толпой, неистовствует женщина в белом халате, светлые волосы рассыпались по плечам, запрокинутое лицо искажено криком:

— Товарищи! Товарищи! У нас раненые! Расступитесь! Дайте проехать тяжелораненым!..

Ее рвущийся крик мечется над плотно сбившимися пилотками, касками, торчащими стволами винтовок. Толпа у причала не умещается на берегу, часть ее влезла в воду по колено, по пояс. И в воде эта толпа столь же оцепенела, столь же колюча от стволов и щтыков.

— Люди же вы!.. Я врач! У меня умирающие! По-мо-ги-те проехать!..

Я оглянулся на Звонцова и оскорбился — он не обращал внимания на крики женщины, он интересовался полковником. Этот полковник был внушительно рослым, как и полагается, в твердой фуражке с малиновым околышем, с четырьмя шпалами на малиновых петлицах, сверкал начищенными пуговицами и пряжкой широкого комсоставского ремня. У него эдакая ласковая сутулость в пухлой спине, лицо полное, валяжно гладкое, с крупным добродушным, слегка вислым носом. Ему, наверное, не приходилось даже повышать голоса, так как всегда был окружен подчиненными, которые на лету хватали каждое его слово. старались услужить, привык к почтительному вниманию, ни в чем не испытывая нужды, и представить его в окопе или в прифронтовой тесной землянке невозможно. Сейчас он потерянно одинок в гуще чужих, не обращающих на него внимания солдат, несмело топчется, тоскливо озирается, и ласковая сутулость подчеркивает подавленную беспомощность.

Кричала женщина в растерзанном белом халате:

— По-мо-ги-те!..

Звонцов выставил перевешивающийся за ремень животик, шагнул к полковнику, выгоревший, пыльный, с изрытым обожженным лицом.

— Товарищ полковник...

К нему, похоже, обращались здесь не впервой, он невнимательно оставил поперек мятой пилотки Звонцова.

— Нужна ваша помощь...

Полковник пристально оглядел Звонцова от пилотки до покоробленных, не по-уставному расставленных сапог.

— Что вам нужно от меня, старший лейтенант?

— Ваши внушительные петлицы, ваш представительный вид. Ваше высокое звание. Остальное я сделаю сам. Сейчас подойдет паром и вы будете на нем. Эй, товарищ боец! Сюда!

Пробежавший мимо рослый парень с болтавшимся автоматом на шее вздрогнул и остановился, гримаса бессмысленной стремительности на потном лице сменилась надеждой, чеканя шаг, приблизился, расправил плечи, глаза преданно прыгают со Звонцова на полковника...

А женщина продолжала кричать с подножки санитарного фургона.

Звонцов выдернул из кружащегося потока еще трех автоматчиков, вынул из кобуры пистолет.

— Двое справа, двое слева. Автоматы на изготовку! По моей команде стрелять поперек голов. Но только по моей команде, без самодетельности... Вы, сержант, со мной!.. Товарищ полковник, разрешите, пойду впереди вас...

С пистолетом в руке Звонцов, я рядом с ним с навешенным карабином, за нами приосанившийся полковник, по бокам автоматчики со вскинутыми автоматами.

— Дорогу!.. Дорогу!..

Сметая толкущихся на пути солдат, к санитарному фургону. Женщина, увидя нас, замолчала, растрепанная, бледная, напряженно вытянувшись.

Звонцов поставил автоматчиков по бокам радиатора, полковник между ними, я впереди со Звонцовым, сжимая в потных ладонях карабин.

За фургоном, у самой воды, на изрытой гальке между двумя солдатами в расхлыстанных шинелях лежал молодцеватый лейтенант — изумленно вздернутые брови на чистом лбу. В воде застывшая толпа, толпа перед нами.

Звонцов обернулся к автоматчикам.

— Автоматы к бою! Вперед!.. Дорогу раненым!.. Дорогу раненым!..

Но жмущаяся к причалу плотная толпа не дрогнула, лишь ближние диковато оглядывались, пытались вжаться глубже.

— Ог-гонь!

Грохот автоматов за моей спиной был неожиданно, до потемнения в глазах силен, я едва сдержал желание присесть. Толпа — пилотки, каски, вещмешки, торчащие винтовки со штыками и без штыков — колыхнулась, зашаталась, стала разваливаться, таять перед нами.

— Дор-ро-гу раненым! Дор-ро-гу!.. Быст-ра!..

Рычал позади мотор идущего вплотную за нами фургона, молчаливо расступалась толпа.

— Дорогу раненым!

Впритык к бревенчатым сходням причала привалился гусеничный трактор. Возле него нас встречал плечисто приземистый командир, небритое лицо сумрачно. Он не спеша поднес ладонь к фуражке.

— Товарищ полковник, прошу извинить, не смогу сдать назад. Разрешите пропустить первое орудие, а уж за ним раненых.

Полковник не без важности кивнул малиновым околышем — разрешаю.

Растрепанная женщина в халате, все еще стоявшая на подножке снова заволновалась:

— Полковник, вы благороднейший человек! Буду вас помнить, пока жива... Всем вам, всем спасибо... У нас восемнадцать раненых...

Звонцов вложил пистолет в кобуру, козырнул полковнику.

— Честь имею.

— Куда же вы?— удивился полковник.

— К пушкам. Не могу же я их бросить... Пошли, сержант, пока не причалил паром. Хлынут — не выберемся.

А паром уже был близко, нагонял на берег, на стоящих в воде солдат волну, и толстый канат над нашими головами натужно вздрагивал.

Полковник тяжело качнулся на Звонцова.

— Черт возьми, лейтенант! За кого вы меня принимаете?

— Старший лейтенант...

— Ладно, ладно! Зовите меня Виктором Павловичем.

— Звонцов Василий Семенович, к вашим услугам.

— Идемте, Василий Семенович. Выбираться из мышеловки будем вместе с вашими пушками.

— Товарищ старший лейтенант, а мы?..— подал голос один из автоматчиков.

— Доставьте раненых на тот берег.

— Есть доставить. На руках вынесем!

А позади на подножке фургона стояла женщина в белом халате, смотрела нам вслед.

3

Поднявшись до половины крутого склона, мы остановились, повернулись к причаливающему парому. Сверху было видно, как обслуживающий паром солдат приготовился бросить чалку.

Толпа перед причалом разрослась, густо выплеснулась с берега в воду. В воде нервное шевеление, а на суше люди спаялись в одно настороженное тело, даже, казалось, колебались в едином дыхании, напряженном, затаенном в своем ожидании. И внутри этого тела, вдоль сбитой колонны пушек, тракторов, машин — неустойчивое оцепление, лицом к лицу вплотную перед грозно замершей толпой.

Запахавшийся Звонцов стянул с головы пилотку, вытирал скотканым платком поцарапанную лысину, глядел вниз, болезненно морщился. Рядом устало сутулился полковник, поводил из стороны в сторону крупным вислым носом, грустно помаргивал.

Паром вздрогнул, ударившись о причал, под его бортом в воде началась кипучая давка. Толпа же на берегу качнулась, без усилий смяла оцепление. Машины угрожающе зарычали, голубой газ поплыл над месивом касок, пилоток, скаток, винтовок. Передний трактор тронулся, таща за собой пушку, завалился на заметно осевший паром. Зеленый фургон с ранеными втиснулся за ним на сходни, и только тогда тронулась сжатая толпой колонна с моторным рыком среди солдатской кипени, раздвигая ее, увлекая ее. Ни выкриков, ни нагсадной ругани, только немой штурм с берега и воды.

— Все в порядке, можем идти,— объявил Звонцов, натягивая на лысину пилотку.

Полковник ответил ему покорным вздохом.

У гребня обрыва, на съезде два трактора растягивали обгоревшие остовы машин. Прокопченные солдаты суетливо возились в черном дыму. Их командир, ломко-долговязый, деловито топтал чадающую землю обутыми в широкие кирзачи ногами-ходулями и дирижировал. Взмах руки — кто-то подхватывал конец троса, нырял с ним в стелющийся дым, новый взмах — рискованно накренившийся на склоне трактор натягивал трос, а командир, работая сапогами, уже спешил к тем, кто в клубах сажи орудовал лопатами...

Я заметил, как переглянулись Звонцов с полковником, удовлет-

ворение скользнуло по их лицам, вызвало и у меня легкую отраду — оказывается, есть и такие, кто занят делом, не самоспасением.

Однако осознать эту отрадность я не успел. Наверху, за близким от нас гребнем взмыли крики — паническое разноголосье, раздались выстрелы, взревели моторы. Над нами, по самой закраине, пронесся грузовик в клубах пыли, вихляя кузовом, рискуя сорваться вниз. И сверху посыпались растерзанные солдаты, стреляя вверх из автоматов, падали, катились мимо нас по круче, вопили:

— Нем-цы!.. Нем-цы!!

На дымящемся куске дороги долговязый командир махал руками, что-то надрывно кричал.

Дремавшие машины ожили, зарычали, разноголосо засигналили, полезли друг на друга.

— К пушкам! — Звонцов, падая на четвереньки, полез вверх.

Я за ним, осыпая землю, цепляясь руками, работая коленями. За своей спиной слышал тяжелое посапывание полковника.

Никаких немцев не было. Из степи вышел взвод разведчиков в буро-желтых пятнистых маскахалатах. Поди знай, кто принял их за противника...

В батарее не хватало нескольких ездовых, но пушки и расчеты не только были целы, Смачкин привел к нам вторую и третью батареи. Не было четвертой, с ней шел штаб дивизиона с майором Пугачевым.

Внизу у причала еще метались суматошные крики: «Немцы!» По реке плыл перегруженный паром — к заветному берегу. Здесь же, в опустевшем, переворошенном таборе там и тут торчали подавленные кучки, молчали, вслушивались в шум внизу, чего-то ждали.

Появление солидного полковника в фуражке с ярким малиновым околышем в сопровождении пожилого старшего лейтенанта решительного вида вызвало легкое оживление — не несут ли они что-либо спасительное? Одна кучка за другой потянулись к нашим пушкам.

Смачкин едва успел доложить Звонцову, что четвертой батарее вместе с Пугачевым на переправе нет, «вдоль и поперек все излазали», командиры прибывших батарей только подступили, пытливо косясь на полковника, как образовался тесный круг — лейтенанты, старшины, солдаты, всех занимает полковник, у всех несмелая надежда на лицах.

С полковником на моих глазах происходило странное — под взглядами собравшихся ласковая сутулость спины исчезла, мягкое лицо окрепло, на нем проступила властность, взгляд неломкий, явно мушкетерский.

— Товарищ старший лейтенант! — громко обратился он к Звонцову. — Не кажется ли вам, что самое время побеседовать по душам?

Звонцов с ходу уловил преобразование полковника, сразу же подтянулся, построжавшим голосом согласился:

— Самое время!.. Поближе, товарищи, поближе, не стесняйтесь... Прошу вас, товарищ полковник.

Переглядки шорох, легкая толкучка — круг сдвинулся. Выставив пухлую грудь, запустив под ремень большие пальцы рук, полковник с прищуром приглядывался, выжидал полного спокойствия.

— Перепугались? — негромко, с издевочкой.

Выжидающее молчание в ответ.

— Еще как! При ясном солнышке мерещиться стало... Слышите?.. — кивок твердой фуражки в сторону реки. — А впереди ночь. Ночью у страха глаза велики. Спасти нас может только порядок!.. Как избавиться от страха?..

— Занять оборону, — подсказал стоящий с боку Звонцов.

— Верно! — отозвался чей-то голос.

Полковник грудью развернулся к Звонцову.

— Товарищ старший лейтенант! На вас возлагается организация обороны.

— Слушаюсь!— взлетевшая к пилотке ладонь.

Я испытал невольную досаду, так быстро и так легко Звонцов признал старшинство полковника. А тот напористо продолжал:

— Прошу исполнять каждое приказание командира обороны. Я сейчас постараюсь привести сюда начальника переправы. Если он сам не в состоянии установить порядок, то пусть выполняет то, что мы от него потребуем!

И вокруг растревоженно загудели:

— Правильно! Возьмем за воротник.

— Сами хозяева!

— Товарищ полковник, возьмите с собой человек двадцать с оружием, начальник переправы может и не подчиниться...

— Справлюсь с ним один, без оружия... Старший лейтенант, действуйте, я пошел...

— Командиры батарей, к пушкам! Средний и старшинский состав, ко мне!..

Через десять минут зарычали тягачи гаубиц, кони потянули в степь наши пушки. Среди машин беготня, руготня, команды:

— Отряд бензоколонны, строиться!

— Где интендантская команда, черт их возьми!

— Лопаты взять! Лопаты! Прикладами, что ль, окапываться будете?..

Смачкин со Звонцовым намечали линию обороны, расставляли в степи батареи, о нас с Чуликовым забыли. Мы сидели на истоптанном, с кучками конского навоза месте отбывших пушек, млели на солнце, не смели уйти в сторону, забиться в тень под машину — вдруг да понадобится.

— А полковник-то мужик серьезный. Где вы такого отца-командира нашли?

Чулик обгорел, что головешка, только нос лакированно красный, устало взмахивает ресницами, кисленько печалится.

— Бог послал,— ответил я, не вдаваясь в подробности.

— Бог?.. Гм... Бог, похоже, прибрал нашего Пугачева вместе с четвертой батареей.

— Вдруг да все-таки они успели переправиться?

Чуликов скривился.

— Пугачев бросил свой дивизион, три батареи? Не похоже!

— Угодил под бомбежку?

— В степи вроде никого не бомбили. Мы бы слышали. Только переправу.

— А что если они подкатали как раз под налет?

— Но не изошли же они дымом без остатка. Хотя бы пушки покалеченные остались. Ничего похожего мы здесь не видели.

Замолчали над загадкой.

— Среди подошедших батарей ты батю Ефима не видел?

— Не видел.— покачал головой Чуликов.

Запечалился и я.

С ветерком обрушился на нас Смачкин:

— Чуликов! Со мной вниз, набирать резервы!.. Тенков! Сторожи полковника, как появится, бегом к Звонцову. Ждут его не дождутся.

4

Полковник появился не скоро. Смачкин с Чуликовым успели обернуться, привели с собою человек тридцать, вооруженных автоматами и ручными пулеметами. Пополнение, не задерживаясь, прошло в степь занимать оборону.

В узкой тени трехосного грузовика кто на раскинутой плащ-палатке, кто прямо на земле, прижимаясь к пыльным скатам,— пестрый командный состав во главе со Звонцовым. Появился даже какой-то незнакомый мне майор, должно быть, интендант. Мы с Чуликовым на солнцепеке в сторонке.

Полковник привел с собой того самого долговязого, который перед началом паники командовал на пожарище.

— Знакомьтесь, товарищи, комендант переправы капитан Климов.

Комендант походил на выбракованную артиллерийскую лошадь — костляво громоздок и понур. Он нескладно сел на корточки, выставив в стороны острые колени, уронил руки, уронил голову в бурой от копоти фуражке и, казалось, задремал. Его угловатое, под цвет вылинявшей гимнастерки лицо было безучастным.

Отчитывался Звонцов, с напорцем говорил и настороженно косился на безучастного капитана:

— ...Выставили на позиции четыре гаубицы и семь орудий «семидесятишести». Выдвинули в степь пикеты, всех появляющихся пехотинцев задерживаем, направляем в оборонительную цепь. Сделали первую вылазку вниз, набрали около взвода боеспособных людей, до были шесть пулеметов. Резервы, можно сказать, практически неисчерпаемые. С земли переправу обезопасим, а вот с воздуха...

Полковник кивал фуражкой, глядел в сторону, старательно не замечал невнимательности коменданта переправы. Но, как только Звонцов замолчал, он шумно заворочался, требовательно спросил:

— Капитан Климов, вы все слышали?

— Слышал,— равнодушно отозвался тот.

— И чем порадуете?

Капитан с усилием распрямылся, обвел всех темными глазницами.

— Не пойму, зачем я вам нужен. У меня горсточка саперов. Был для поддержания порядка придан заградотряд, но... испарился — первыми же поскакали на паром. Я бессилен, а у вас, похоже, собирается какая-то сила. Ну так не медлите, пользуйтесь ею. Здесь сплоченные берут верх — оттесняют лезущих, ставят оцепление, дожидаются парома и... Могу только пожелать вам счастливого пути.

— А не можете ли вы, ответственный за переправу, воспользоваться нашей силой? Предлагаем, берите! — вкрадчиво произнес полковник.

Костистые плечи капитана вяло пошевелились, изобраили пожатие.

— От вашей силы паром вместительней не станет и быстрее оборачиваться — тоже. Из него и так выжимается сверхвозможное — что ни рейс, то рискованная перегрузка. Сами видели...

— Ну, а если мы поможем сделать то, чего не сделал заградотряд, установить порядок?..

— Что изменится? Только то, что какие-то части переправятся быстрее других.

— Уже кое-что.

— Мало, полковник. Хотелось бы переправить всех.

— Как это сделать?

— Подарите мне лесу.

— Лесу?..

— Да, кубометров тридцать — сорок бревен и еще досок на настил. У меня перекинута через Дон вторая нитка, дайте лес, и за одну ночь, даже быстрее сколочу второй паром. Это была бы уже ощутительная помощь.

В разговор ворвался Звонцов.

— В полутора километрах отсюда хутор. Всего в полутора кило-

метрах!.. Почему вы не организовали туда колонну машин с теми, кто сейчас отирается у причала, не разобрали дома?..

Капитан тускло повел глазами, презрительно скривился.

— Дома здесь, надеюсь, заметили, построены из самана — глины с навозом и соломой. Даже на матицы кладут слуги. Развалив весь хутор, нам удалось бы набрать несколько возов жердей, да и то гнилых.

Наступило недружелюбное молчание. Полковник горбился, глядел в землю, Звонцов хмурился и тоже прятал глаза. Выгоревше-серый капитан в законченной фуражке торчал на солнцепеке, словно каменный степной истукан.

— Зачем лес? Есть хороший материал! — Это рядом со мной прокричал Чуликов.

Капитан повел в нашу сторону запавшим виском, а за спиной Звонцова всколыхнулся Смачкин.

Чуликов вскочил на ноги — выбившаяся из-под ремня гимнастерка, сползшие с тощего зада мешковатые штаны.

— Раз, два, три... — задрал острый подбородок, считал он. — Отсюда вижу девять автоцистерн. А сколько их под берегом?.. Снять с них цистерны — и в воду! Крепи попрочней, будет паром. Пушки понесет, даже танки...

Тревожно гудело человеческое скопище под обрывом, все ели глазами капитана. Тот снял фуражку, начал вертеть ее в руках, наконец с сомнением обронил:

— Танк, паренек, весит сорок тонн, а то и поболее.

— Танки не подымет, пушки повезет. Все помощь.

И снова молчание с тревожным подбережным гулом.

— А чем крепить? Тоже ведь лес нужен, — трезвый голос из командирской кучки, кажется, майора-интенданта.

Капитан вертел в руках фуражку.

— Мда... Положим, лес для крепежа я наскребу. А вот доски для настила... Прямо на цистерны пушки не выкатишь, продавятся.

— С грузовиков борта поснимаем. Хватит! Хоть два ряда стели.

Руки капитана сосредоточенно мяли фуражку, на него смотрели, затаив дыхание. Он решительно натянул фуражку, поднялся.

— Товарищ полковник, пошлите людей вниз — все автоцистерны, все порожние грузовики гнать к тому месту, где вы меня поймали. — Резко повернулся к Чуликову. — Коль уж ты, паренек, такой башковитый, пойдём, пораскинем мозгами: что, как, сколько?.. Эх, успеть бы!..

Ответил Звонцов:

— Считаю, уже вечер. Ночью немец не сунется. Ночь наша.

5

Ночь была совсем не похожа на тягостный, унижительный день. Чуть скраденная сбоку луна освещала обрывистый берег в оползнях, в тяжелых наплывах, резко складчатый, хмуρο морщинистый. Под ним, величавым, в жидком растворе лунного света и зябкого тумана темная копошащаяся масса — машины, подводы, неутомимо спящие люди. У беспокойной переправы изменился даже голос. Сейчас напористое гудение едва ль не на одной ноте, упрямо пробиваются в тесноте машины, текут слившиеся голоса, утробное шевеление — растревоженный улей, в нем можно уловить и гневные интонации.

Спустившийся вниз полковник с помощью всего трех-четырёх помощников повывергивал из толпы, сгрудившейся у причала, рослых парней — «Вы, вы, вы, ко мне! Товарищ боец, к вам обращаются!..» — собрал отряд, навел оцепление, стал хозяином переправы. Артиллерийские батареи, бронетранспортеры, грузовики, фургоны уже не

лезли напролом, командиры соединений толпились возле полковника, добивались места в очереди. И только солдатня по-прежнему атаковала с воды причаливающий паром, прорывала оцепление. Но молчком, упрямым натиском. Ожесточенных битв, какие случались днем, уже не возникало.

Накал у причала поостыл еще и потому, что теперь каждый (до последнего, затерянного в толпе солдата) знал — в степи на подходе к переправе стоит оборонительное заграждение с наведенными пушками, противник внезапно не нагрянет. Там распоряжался Звонцов.

У Смачкина отобрали Чуликова, и он уже не отпустил меня от себя. По примеру полковника мы из числа мечущихся тоже сколотили отряд автоматчиков. В нашу задачу входило раздвигать по сторонам брошенные повозки, теснить машины — через растянувшуюся переправу вдоль реки прокладывалась трасса, по которой двигались автоцистерны и порожние грузовики в распоряжение капитана Климова.

Нам повезло — освобождая затор, случайно наткнулись на два высоких фургона-близнеца, они оказались дивизионной ремонтной мастерской во главе с младшим лейтенантом-воентехником, с десятком слесарей-механиков, с сохранным оборудованием и, что важно, со сварочной установкой. Их тоже направили к капитану Климову.

Весть о строительстве нового парома разнеслась по переправе еще до наступления ночи. Измаявшиеся в бездельной толкотне солдаты хлынули к строительству, каждый желал предложить свою помощь, заработать себе место на первый рейс. Наплав добровольцев оказался столь велик, что Климову пришлось выставить ограждение, иначе работа бы захлебнулась.

Едва появлялась очередная автоцистерна, как к ней кидались десятки людей. Лязгал металл, ухали кувалды, раздавались торжествующие крики: «Р-р-раз-два! В-взя-али!..» Рвали на клочья ночь судорожные, слепяще-голубые огни сварки. По обрыву прыгали, кривлялись гигантские тени, возносились в черное небо, раскатывались по черной глади натужные голоса: «Ры-аз-два!.. П-шла! П-шла! Ще р-раз!» И всплески стаскиваемых в реку сваренных секций, и вразнобой говорок топоров, и вырванные из ночи дерзкими вспышками белые фигуры людей в дегтярной воде, и бледная недоуменная луна выше, и слитная толпа отесненных зрителей, забывших об опасности. Лихорадочный труд, заражающий надеждой.

Фантастическая ночь. Каждый раз, попадая к строительству, я пьянел и каждый раз изумленно вспоминал: буйная ночь рождена рядом со мной выкриком Чуликова. Где он сейчас?.. Где-то тут, мне недоступный, внутри звенящей, гремящей, слепящей вспышками, многолюдной фантазмагории... Должно быть, и Смачкин изумлялся вместе со мной, но скрытно, не показывая того.

После полуночи Смачкин отпустил автоматчиков — капитан Климов получил все, что могла дать переправа, в нашей помощи больше не нуждался.

— Посидим в затишке, поостынем...

Только сейчас мы почувствовали, что ночь знобяще прохладна. Слева подмывающий шум строительства, справа гомон у причала — подошел в очередной раз паром. И замороженная речная гладь прямо перед нами, таинственно бескрайняя, скрыт мраком другой берег. Тихий Дон...

На границе света и мрака вырос, помаячил, осел зеленый столб, прокатился и канул взрыв. Шальной снаряд не нарушил покоя могучей реки. Тихий Дон... Плывет из вечности в вечность. Днем он готов был принять и нас в свои объятия, днем Звонцов произнес безнадёжные слова: «Путь к спасению сквозь игольное ушко...» Слышу

победоносное громыхание кувала — и сквозь игольное ушко сможем! Не обессудь, Тихий Дон...

Но рядом Смачкин. В столь редкую отдохновенную минуту от него тянет, как от малярийного больного.

— Неласково встретит нас тот берег, — роняет он.

— Почему?

— Побитых хлебом-солью не встречают.

— Побитые, да недобитые, — возражаю я. — Сквозь игольное ушко от немцев уходим.

— То-то, сквозь игольное... До крови ободранные.

— А все-таки целы, лейтенант.

— Це-лы?.. А где Пугачев? Где четвертая батарея? Что мы без них?

— Что-то там случилось, мы же с вами не виноваты в том.

— Не виноват только победитель, дружок.

— Все равно за несчастье Пугачева с нас не спросят.

— Спросят. И будут правы.

— Н-не пойму.

— Растолкую на пальцах. Сколько пушек мы доставим на тот берег? Две с нашей батареи, две с третьей, три со второй — семь орудий, больше половины потеряли. Вот если б сохранилась четвертая батарея с ее четырьмя орудиями — одиннадцать! Это все же дивизион. И нет командира, нет штаба. Нас расформируют, мальчик. Считаю, как отдельная боевая часть мы уже перестали существовать.

— Но мы живы, живы! Значит, будем драться!

Смачкин горько хмыкнул.

— До каких пор нам обещать себе — будем?.. И сколько можно мириться, что еще одна боеспособная часть перестала существовать?

— Так что же делать, товарищ лейтенант?

Он задумался и не сразу ответил:

— Да-а... Да-а... Что? Могу ответить только одно: наша земля горит, должны гореть и мы. Гореть, парень, а не тлеть!

От этого ответа мне как-то ясней не стало.

— А! Толочь воду в ступе... Пошли.

Смачкин торопливо поднялся.

Я лез за ним, спешащим вверх по обрыву, и пытался заставить страдать себя за несчастье Пугачева. Хотелось вспылать душой, и как можно горячее, но майор Пугачев был для меня всегда столь недоступно высок и могуществен, что мог вызвать лишь почтительность, а никак не состардание и упреки. Вместо Пугачева ко мне вломился Ефим. Со щемящей отчетливостью я представил себе — никогда не увижу его насупленных бровей, не услышу его глуховатый голос. Припомнилось, как он схватил меня за ногу, когда вслед за Сашкой Глухаревым я собирался проскочить под снайпером. Словно клещи наложил: «Повремени, сынок...»

А внизу под берегом вперепляс, весело перестукивались плотницкие топоры, крепили воедино сваренные секции. Веселый перестук обещал жизнь.

Подготовка текста и публикация
Н. АСМОЛОВОЙ-ТЕНДРЯКОВОЙ